

Благой Д. Д. Гений национальной и всемирной литературы. Драматургия. Проза. // Пушкин А.С. Драматургия. Проза. М.: Правда, 1981. – С. 3-20.

Дегожская А.С. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. – Л., 1971. – 130 с.

Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб., 1995. – 847 с.

Макогоненко Г. П. Капитанская дочка А.С. Пушкина. Л.: Художественная литература, 1977. – 112 с.

Маранцман В. Г. Изучение творчества А.С. Пушкина в школе. На пути к А. С. Пушкину. Пособие для учителя и учащихся. В 2 ч. – М.: Владос, 1999. – Ч.1.

Мейлах Б. С. Творчество А.С. Пушкина: Развитие художественной системы. М.: Просвещение, 1984. – 160 с.

Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. – С. 145-199.

Петров С. М. Русский исторический роман XIX века. М.: Художественная литература, 1964. – 440 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений под ред. Н. В. Измайлова; Ред. Д. Д. Благой, Н. В. Измайлов т. XV, М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 391 с.

Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига: Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. – 218 с.

© Кутовая Л.А., Кудреватых А.Н., 2017

Лузина А. Е. (Екатеринбург, УрГПУ)

Роль образа Чехова в образной системе пьесы Е. Грминой «Сахалинская жена»

Аннотация.Статья посвящена рассмотрению пьесы Е. Грминой «Сахалинская жена», написанной по мотивам жизни и творчества А.П. Чехова. Рассматривается роль Чехова в образной системе пьесы, анализируется связь пьесы Грминой и Чеховского прототекста («Остров Сахалин»). В результате анализа отмечается, что Чехов,

ни разу не появляющийся на сцене, играет огромную роль в жизни остальных персонажей пьесы, становится спасителем и освободителем героев.

Ключевые слова: «новая драма», Е. Гремина, образ Чехова, система образов, остров Сахалин, мотив греха

Luzina A.E. (Yekaterinburg, USPU)

"Sakhalin wife" by E. Gremina and the Chekhov's role in the system of play's images

Abstract. The article is devoted to the play "Sakhalin wife" by E. Gremina, which is written on motives of the life and work by A. Chekhov. The author examines Chekhov's role in the play's imagery system, reviews the association between Gremina's text and Chekhov's prototext ("Sakhalin Island"). The article concludes that Chekhov, who never appears on the stage, plays a huge role in the development of other characters and becomes their savior and liberator.

Keywords. new drama, E. Gremina, the image of Chekhov, system of images, Sakhalin Island, the motive of sin.

Среди фигур, занимающих современных драматургов, можно выделить исторических деятелей, известных людей и – в их числе – конечно, писателей. Художники слова интересны современным авторам и как обычные люди, со своими чувствами, мыслями и желаниями, и как личности исключительные, значимые своими заслугами перед литературой. Вполне предсказуемо одной из самых притягательных фигур для пишущих пьесы стал А. П. Чехов. Образ Чехова встречается у О. Богаева в пьесе «Вишневый ад Станиславского», у Д. Бавильского «Чтение карты на ощупь», у В. Леванова «Фирсиада» и у мн. др.

В нашей работе мы обратимся к творчеству современного драматурга Е. Греминой, основателя и режиссера Театра.doc. По мотивам жизни и творчества А.П. Чехова ею были созданы две пьесы – «Сахалинская жена» (1996) и «Братья Че» (2010). Гремину отличает от названных выше драматургов внимательное отношение к «документу», ее «чеховские» пьесы созданы с опорой на тексты и на факты биографии классика. Рассмотрим пьесу «Сахалинская

жена», попробуем охарактеризовать авторскую технику создания пьесы на основе прототекстов и определить роль Чехова в образной системе произведения.

Пьеса «Сахалинская жена» относится к пьесам «чеховского настроения», или «ретро-пьесам», реализующим неосентиментальную линию в современной драме. Это направление «новой драмы» связано с возвращением к «поэтическому театру», что является прямой противоположностью бытоописательных пьес. Вот что пишет об этом явлении И.А. Канунникова: «После публицистического угара и стремления как можно более жестко и вызывающе обнажить все общественные язвы и социальные пороки, характерные для перестроечного и постперестроечного времени, в современной драматургии отчетливо обозначилась прямо противоположная тенденция. Вместо намеренно антиэстетичных подробностей современной жизни – стремление к изящно выстроенным, поэтическим картинам и образам прошлых эпох; вместо жестко определенного, четкого взгляда на мир – призрачная неуловимость очертаний и настроений, легкая импрессионистичность; вместо безнадежных и беспросветных финалов – светлая печаль и философские отношения к неизбежному «бегу времени»; вместо нарочито грубого языка – классически чистое русское слово» [Канунникова 2003].

«Сахалинская жена» посвящена столетию выхода в свет произведения А.П. Чехова «Остров Сахалин»; эти произведения взаимосвязаны. Так, в «Сахалинской жене» находит свое отражение легенда о гиляцком шамане из «Острова Сахалина». Чехов описывает ее следующим образом: «За обедом же была рассказана такая легенда: когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку» [Чехов 1970: 25]. Поэтому гиляки, как пишет Чехов, не только не занимаются земледелием из-за страха перед проклятием шамана, но и вообще не едят растительную пищу, единственное исключение составляет хлеб, который они очень любят: «По свидетельству Невельского, гиляки считают большим грехом земледелие: кто начнет рыть землю или посадит что-нибудь, тот непременно умрет» [Чехов 1970: 133].

Легенда о проклятии шамана известна и Марине из «Сахалинской жены». Поэтому на протяжении всей пьесы мы видим ее пре-

дупреждения о возможных последствиях земледелия: «Наши старики говорят, один есть грех – землю дырять. Кто продырявил землю, тот умрет» [Гремина 1997]. Проклятие шамана действительно воплотилось в реальность – земля Сахалина не способна породить богатый урожай.

Описывая природу острова, Чехов рассказывает и о ядовитом растении – борце. Гремина также использует борец в своей пьесе, но у нее этот цветок становится символом. Борец – порождение Сахалина, его истинное дитя, символ смерти.

Чехов, описывая Сахалин, стремится при помощи деталей усилить реалистичность этого образа, погружает читателя в атмосферу мрачного острова, дает почувствовать его природу. Гремина же, опираясь на произведение «Остров Сахалин», использует конкретные образы и детали, наделяя их символичностью, благодаря чему ее Сахалин становится мифологизированным замкнутым пространством, изолированным, оторванным от внешнего мира. Образ острова у Греминой условен, он призван изобразить среду, в которую попадает человек согрешивший, его состояние и атмосферу несвободы, в которой он вращается.

Действие пьесы происходит на острове Сахалине в то время, когда там проходит перепись населения А.П. Чеховым. Персонажи пребывают в ожидании приезда ревизии доктора Чехова. Мы постепенно знакомимся с героями: со ссыльнокаторжными Иваном, красивым молодым человеком, оказавшимся на острове за поджог, и Ольгой, убившей мужа, со ссыльнопоселенцем Степаном, тружеником, сосланным на Сахалин из-за убийства, со старой гилячкой Мариной, убившей двух мужей, с Унтером, с Доктором. Всех героев объединяют тоска по России, мечта о лучшей жизни и дикая ненависть к острову Сахалину, земле греха, не дающей никаких плодов. Россия по сравнению с Сахалином становится идеальной землей, далекой и недостижимой, превращается в прекрасную мечту. Пространство острова представляет собой замкнутую систему, в которую оказываются заключены все герои. Герои делятся на две категории: «надзиратели» и «преступники». Однако их всех объединяет связь с островом Сахалином, и все они фактически лишены свободы.

Конфликт возникает из-за прибытия на остров Ольги. Ей заранее суждено быть женой одного из поселенцев – Ивана или Степана. Она становится яблоком раздора между этими мужчинами. Понимая это, каждый начинает отказываться от Ольги в пользу другого, чтобы предотвратить возможную беду. Ольга выбирает Степана, так как «ни на кого он не похож»; Иван же напоминает ей того, кого она любила, вызывает в ней симпатию [Гремина 1997]. Они всячески стараются убедить друг друга, что не могут быть вместе, но, тем не менее, вступают в запретную связь, о чем узнает Степан и задумывает совершить убийство. Однако в борьбе человека «с духом Сахалина» побеждает человек – и Степан, проклиная остров, щадит Ольгу с Иваном.

знакомой новой жизни становится то, что на острове, где ничего не может вырасти, всходит посеянное Степаном просо. В доме появляются животные – кошки, Ольга родила трех детишек, царит атмосфера праздника. Иван с новыми товарищами сбегает в Россию, куда рвался каждый день, проведенный на Сахалине. Изменяется жизнь Унтера, который также уезжает в Россию.

В описанной коллизии и в пьесе в целом сквозным мотивом становится мотив греха. Грех приводит героев на Сахалин, он повторяется у преступников: совершив однажды преступление, они оказываются способны пойти на него второй раз. Даже «надзиратели» становятся грешны, попав на землю, пронизанную грехом: Унтер вступает в любовную связь с женой Доктора, а Доктор все чаще начинает задумываться о том, способен ли он сам на убийство.

В образной системе пьесы особое место уделено Чехову. Литератор в пьесе Греминой как сценический персонаж так и не появляется: о нем только говорят, однако постоянные разговоры стягивают к этому образу, как к центру, все сюжетное движение пьесы. Рассмотрим, как относятся к доктору Чехову другие персонажи.

Унтер наиболее близок к иллюзорной фигуре Чехова. Первое упоминание о приезде некоей «таинственной ревизии», которую будет проводить сам литератор Чехов, звучит именно из его уст. Слухи об этом событии слишком неясные, непонятно даже, откуда писатель приезжает – из Москвы или из Петербурга. Унтер с восторгом говорит о Чехове, как об образованной, высокой личности. Более всех в пьесе он суетится перед приездом ревизии: репетиру-

ет, готовит остальных героев к торжественной встрече, активнее всех персонажей воздействует на создание мифа о писателе.

Доктор, напротив, до последнего не желает верить в существование Чехова, отчаянно уверяет и себя, и других героев пьесы в том, что его не касается приезд литератора.

Интересна связь гилячки Марины с образом Чехова. Эта женщина заранее предчувствует, что литератор на Сахалине заболеет и через некоторое время погибнет. Она уверена в его бесполезности на острове, знает, что здесь ему не рады, его никто не ждет. И когда всходит просо, гилячка понимает, что смерть Чехова неизбежна, потому что Сахалин забрал его силы.

Остальные оказываются равнодушными к приезду доктора Чехова, но именно на их судьбы фигура Чехова повлияет наиболее сильно: благодаря нему герои начинают новую жизнь, отказываются от своих грехов.

Характерно, что образ Чехова в основе своей документален, Гремину заимствует и интерпретирует множество деталей, связанных с жизнью и поведением классика. Известно, что Чехов отправился на Сахалин ради переписи каторжного населения. Он прекрасно знал, что эта поездка может привести к заболеванию, но все равно самоотверженно поехал на остров. В пьесе его поступок наполняется особым смыслом. Чехов здесь становится мучеником, практически Иисусом Христом, который пришел искупить вину грешных людей своими страданиями, одержать победу над злом – островом Сахалином. Но до поселения Чехов так и не добирается, мы только слышим о его скором приезде. Эти постоянные разговоры о прибытии его на остров похожи на легенду о Пришествии Христа на Землю. Само ожидание Иисуса может влиять на образ жизни человека: ведь Бог велел нам бодрствовать, чтобы быть готовыми к его приходу. Уже это одно меняет поведение персонажей пьесы: к примеру, Унтер начинает ласково обращаться с каторжными, стремится к знаниям и самосовершенствованию.

Иоанн Креститель говорил людям: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня ... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». В пьесе есть и очищение огнем, мотив огня связан с образом ссыльнокаторжных. Степан однажды произносит такую фразу: «Дай мне такого питья, Марина... Чтoб больше

мне никого не убить никогда! Пусть иначе на том и на этом свете погибнуть мне и гореть вечно!» [Гремина 1997]. Когда он был готов убить Ольгу, он почти нарушил данное им слово, поэтому появляется огонь – в финале Иван в порыве мщения поджигает дом, в котором находятся Ольга и Степан. В тушении пожара оказываются задействованы остальные герои. Каждый из них при этом переживает моральное обновление, схожее с религиозным обновлением души, воскрешением и началом новой праведной жизни.

Подводя итоги, можно отметить, что Греминой свойственна специфическая авторская стратегия. Драматург опирается на документы, дневники, художественные прототексты, заимствует детали и мотивы и комбинирует в нужном ей ключе. Такая техника отсылает к практике документального театра. Однако в интерпретации Греминой эта основа оказывается псевдодокументальной, мифологически перенасыщенной, что в целом выглядит как серьезная трансформация концепции документального театра («проводником» которой в России Гремина и считается). Документальный театр, изначально ориентированный на исследование разных идентичностей (в том числе и маргинальных), позиционировал себя как театр «без иллюзии», стремился отойти от бинарности (добро-зло; добродетель-грех), критиковал романтически возвышенную концепцию художника-гения. В пьесе «Сахалинская жена» Гремина фактически добивается противоположного эффекта. Ее Чехов становится мучеником, пожертвовавшим собой во благо других.

Литература

Бэнтли Э. Жизнь драмы / Перевод с англ. В. Воронина. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 416 с.

Ветелина Л.Г. «Новая драма» XX-XXI вв.: проблематика, типология, эстетика, история вопроса // Вестник Омского университета. – 2009. – № 1. – С. 108-114.

Гремина Е.А. Работаем с информационными донорами // Культура. 2002. 20-26 июня.

Гремина Е.А. Сахалинская жена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theatre.ru/drama/gremina/sahalin.html>

Громова М.И. Русская драматургия конца XX – XXI века: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2006. – 368 с.

Журчева О.В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века: учеб. пособие. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 184 с.

Канунникова И.А. Русская драматургия XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/65585/chitat_knigu.shtml#t36

Липовецкий М., Боймерс Б. Префомансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 376 с.

Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. – Т. 8. – М.: Правда, 1

© Лузина А.Е., 2017

Овчинникова Е.Э. (Екатеринбург, УрГПУ)

Мотив странничества в поздней лирике С.Есенина

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию мотива странничества в последний период творчества С. Есенина. Показано, как трансформируется данный мотив по сравнению с ранней лирикой. На материале стихотворений, созданных поэтом в 1924-1925 гг., анализируются приемы создания образа странника, варьирование его образа, что позволяет лучше понять характер лирического героя С. Есенина, особенности его поэтического мира и мировоззрения поэта в последние годы жизни.

Ключевые слова. С. А. Есенин, мотив, образ, лирика, лирический герой, странничество, странник.

Ovchinnikova E.E. (Yekaterinburg, USPU)

The motive of the wandering in last lyrics of Sergej Esenin

Abstract. This article is devoted to a research of motive of wandering during the last period of creativity of S. Yesenin. It is shown how this motive is transforming in comparison with early lyrics. On material of the poems created by the poet in 1924-1925 methods of creation of an image of the wanderer, a variation of his image are analyzed that allows to understand better character of the lyrical hero of S. Yesenin, feature of his poetic world and outlook of the poet in the last years of life.